

*Дороги нам родители, дороги дети,
родственники, близкие, друзья,
но отечество одно охватило все
привязанности всех людей. Какой
честный человек поколеблется
пойти за него на смерть, если
он этим принесёт ему пользу?*

Цицерон. Об обязанностях

Может ли патриотизм стать новой идеологией России?

Андрей Владимирович Поповкин,

кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: popovkin-av@yandex.ru

Максим Евгеньевич Буланенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: bulanenko@list.ru

В статье рассматриваются два вопроса: может ли патриотизм стать новой российской идеологией и если да, то каким он должен быть. Для ответа на них проясняется понятие патриотизма. В первую очередь обосновывается точка зрения, что он представляет собой не просто чувство любви и заботы о Родине, но ещё и набор определённых ценностных убеждений. Дальнейшее исследование строится с опорой на идеи одного из влиятельных апологетов патриотизма в истории русской мысли И.А. Ильина, которые позволяют преодолеть возражения против патриотизма со стороны Л.Н. Толстого. Кроме того, рассматривается важный для многих вопрос о том, ограничивает ли патриотизм свободу личности. Для этого вводится различение двух принципиально разных духовных установок личности: духовная автономия и духовное самоопределение. В соответствии с этими установками выделяются три вида патриотизма: бене-патриотизм, присваивающий патриотизм и сократовский тип патриотизма, последний из которых является благотворным для общества и желательным в качестве новой российской идеологии. Рассматриваются формы усвоения патриотических убеждений. Делается вывод, что патриотизм

может стать новой российской идеологией, но для того, чтобы она была принята и усвоена обществом, в её основу должны быть положены ценности, отражающие духовное своеобразие России, выражающие духовный характер её народа.

Ключевые слова: патриотизм, идеология, русская философия, российская культура, духовные ценности.

Can Patriotism Become a New Ideology in Russia?

Andrey Popovkin, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: popovkin-av@yandex.ru.

Maxim Bulanenko, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: bulanenko@list.ru.

The paper deals with two questions: whether patriotism can become a new Russian ideology and, if so, what it should be. To answer these questions, the concept of patriotism is clarified. First, the point of view is substantiated that it is not just a feeling of love and care for the motherland but also a set of certain value beliefs. Further research is based on the ideas of one of the most influential apologists for patriotism in the history of Russian thought I.A. Ilyin, which allow to overcome the objections to patriotism from L.N. Tolstoy. In addition, an important question for many people is considered whether patriotism limits the freedom of the individual. For this purpose, a distinction is introduced between two fundamentally different spiritual attitudes of the individual: spiritual autonomy and spiritual self-determination. Accordingly, three types of patriotism are distinguished: bene-patriotism, appropriating patriotism and the Socratic type of patriotism. The latter is beneficial for society and desirable as a new Russian ideology. The forms of assimilation of patriotic beliefs are examined. It is concluded that patriotism can become a new Russian ideology, but in order to be accepted and assimilated by society, it should be based on values that reflect the spiritual identity of Russia and express the spiritual character of its people.

Keywords: patriotism, ideology, Russian philosophy, Russian culture, spiritual values.

Проведение Россией специальной военной операции на Украине и сопровождающее её нарастающее давление коллективного Запада вызвало небывалый в постсоветской истории подъём патриотических сил в российском обществе. При этом обнажилось множество противоречий во внутриполитической и культурной жизни страны, связанных с противостоянием упомянутых патриотических сил с той частью общества, которую в СМИ часто принято именовать «неолиберальной

прослойкой». Основная проблема, как нам представляется, состоит в том, что атомизация общества и культ «разумного эгоизма», который проповедовали неолиберальные силы в России, фактически ставят под угрозу сохранение культурного и политического суверенитета страны. Решение стоящих перед Россией задач, очевидно, требует некоей мобилизации общества, необходимым условием которой многие считают становление новой российской идеологии. Иными словами, в настоящее время приобретает особую остроту вопрос о том, нужна ли России идеология для дальнейшего общественного и государственного развития и если нужна, то что она должна собой представлять. Всё больше различных авторов приходят к справедливому, с нашей точки зрения, выводу, что она необходима для решения целого ряда задач, связанных с нормальным функционированием государства и общества — от воспитания будущих граждан до представления страны на международной арене. Ещё в 2019 г. на большой пресс-конференции своё мнение об идеологии для современной России высказал президент В.В. Путин: «Идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна — патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова» [9]. Примерно через год в интервью передаче «Москва. Кремль. Путин» президент пояснил свою позицию: «Патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, её движению вперёд. А это совсем не значит, что нужно всё время хвататься только за наше героическое прошлое. Нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха» [2]. Думается, идеология, построенная на патриотизме, вполне осуществима в социуме, разделяющем общие идеалы. Однако в современном российском обществе имеется консенсус далеко не по всем важным вопросам, определяющим оценки событий прошлого, а также вектор общественного и государственного развития. Попросту говоря, то, что одни считают движением вперёд, для других — признак регресса и деградации. И даже само возвращение к государственной идеологии далеко не всеми россиянами рассматривается как прогрессивный шаг.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на два вопроса: может ли патриотизм стать новой российской идеологией, и если да, то каким он должен быть. Прежде всего, мы осмелимся не согласиться с великим русским философом Н.А. Бердяевым, полагавшим, что патриотизм есть «...эмоциональная ценность, и он не требует рационализации» [1, с.139]. В наши дни, когда даже сама человеческая природа нуждается в защите, такие традиционные (а возможно, лучше

сказать — классические) ценности, как патриотизм, нуждаются по меньшей мере в прояснении. Иными словами, если патриотизм и может выступить в роли национальной российской идеологии, то это должен быть *осознанный патриотизм*, явным образом выражающий свои ключевые ценности и идеалы. Это осознание своих ценностных оснований, как мы полагаем, соответствует природе патриотизма. Мы решимся утверждать, что патриотизм не состоит *только* лишь из любви к Родине. И даже если добавить к этому чувству любви ещё и чувство заботы о Родине, а также готовность совершать поступки, причём направленные не только на получение благ, но и на их предоставление, это будет ещё не совсем патриотизм, потому что даже для так понимаемой любви ещё не нужен «-изм», т.е. некое учение или система убеждений. *Патриотизм явно связан с принятием определённых ценностных установок, которые руководят нашими поступками*, так что, совершая эти поступки, мы можем испытывать радость и удовлетворение от реализации чего-то правильного. Он предполагает определённый *духовный выбор*, который осуществляется по отношению к другим возможным установкам (например, космополитизму или индивидуализму). Отсюда ясно, что патриотизм (именно как «-изм») действительно может выступать национальной *идеологией*, если понимать под последней *рациональную формулировку и обоснование целей, идеалов, ценностей данного общества, а также способов их достижения*.

Ещё одна важная особенность патриотизма состоит в том, что, говоря языком Паскаля, резоны сердца в нём имеют гораздо большее значение, чем резоны разума. В этом смысле можно понять, почему Н.А. Бердяев полагал патриотизм «эмоциональной ценностью», и мы готовы согласиться с русским философом в том, что в патриотизме «эмоциональная жизнь более непосредственна и природна» [1, с.139]. Дело в том, что патриотизм, хоть и является *гражданской добродетелью*, затрагивает не только нашу гражданственность, но самые глубины нашей самоидентичности. Он предполагает отождествление себя с народом и страной, её историей и культурой, нравами и устоями — *как неким благом*. И это благо подлинный патриот рассматривает как одно из важных условий собственного существования и процветания, но также и как *благо объективное*, не зависящее от пользы для него лично. Не менее важно и отождествление себя со страной *как неким целым*, в том смысле, что не все сограждане и не все черты страны должны быть безусловно хороши и прекрасны. Образец такого патриотизма можно найти в диалоге Платона «Менексен»,

где Афины преподносятся как нечто прекрасное, за что не жаль, а порой даже нужно пожертвовать собой. Такая установка связана не только с потреблением общественных благ, но и с их производством, с готовностью заботиться об обществе вплоть до — ожидаемо — самопожертвования.

Нельзя не отметить, что тема патриотизма и дискуссии о нём отнюдь не новы для русской мысли¹. При этом акцент как в прошлом, так и в настоящее время² обычно делается на духовном смысле патриотизма, его влиянии на духовное состояние личности и общества. В самом деле, выгода патриотических чувств и убеждений граждан для государства и правящей элиты очевидна. Но *несут ли благо патриотические убеждения самому человеку, их разделяющему?* К этому вопросу примыкает и *вопрос о видах патриотизма*: всякие ли патриотические убеждения благотворны или, напротив, вредны для личности? В разрезе разговора о патриотизме как идеологии необходимо поставить вопрос и об обществе: является ли воодушевление патриотизмом для общества предпочтительным и если да, то почему?

Одним из самых известных и влиятельных противников патриотизма в истории русской мысли был, как известно, граф Л.Н. Толстой, утверждавший, что патриотизм есть «...жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью, и насильем возбуждают и поддерживают его в народах» [7, с. 63]. Удивительным образом один из ярких сторонников патриотических убеждений, обретший в наши дни немалое влияние, И.А. Ильин, не отрицает, что «нужда и страх вызывают к жизни первые проблески „патриотизма“». Однако он продолжает эту мысль тезисом о том, что «...эмпирическая неизбежность такой „любви к отечеству“ не говорит ещё ничего о её духовной сущности и о её философском обосновании» [3, с. 92]. Оба мыслителя, ведущих этот заочный спор, полагают, что истоки патриотизма лежат в той эпохе, когда мир не знал универсальных моральных норм и ценностей, а забота распространялась лишь на узкий круг своих соплеменников. В некотором смысле в патриотизме как любви именно к своему Отечеству можно

¹ Подробнее об истории споров о патриотизме в русской мысли см., например: [4; 5]. Ещё более широкую панораму размышлений о патриотизме, охватывающую период от Античности до сталинской реформы советского государства, предлагает А. Павлов [6].

² См., например, работу Т.А. Чикаевой [8].

увидеть препятствие, своеобразное самоограничение в реализации идеала всеобщей любви. Это побуждает задаваться вопросом о его возможном духовном вреде для общества и личности. Кроме того, патриотизм действительно связан со страхом: этим чувством порождены не только его «первые проблемы», но и он сам порождает в некоторых людях страх быть обманутыми (прежде всего государством). Для Л.Н. Толстого всё это выступает приговором патриотизму, но И.А. Ильин воспринимает указанные проблемы (особенно кажущееся ограничение любви и предпочтение духовной жизни своей Родины всем остальным проявлениям духа) как интеллектуальный и духовный вызов. Думается, такая исследовательская честность не может не вызвать уважение даже у противников патриотизма. Поэтому нам кажется, что стоит присмотреться к аргументам И.А. Ильина внимательнее.

Свою задачу русский философ формулирует следующим образом: «...патриотическое ограничение воли к духу должно быть осмысленно и оправданно в своём существовании. Патриотизм должен быть основан как необходимое и верное проявление воли к духу» [3, с. 91]. Иными словами, И.А. Ильин уверен, что выделение своей Родины из всей полноты духовной жизни человечества и особая любовь к ней имеют общезначимый смысл и ценность. Обоснование этого строится на следующих двух посылах. Первая из них состоит в том, что именно родное для человека государство, Отечество, выступает конкретным условием возможности полноценной индивидуальной духовной жизни. И.А. Ильин пишет: «Для того, чтобы я мог вести духовную жизнь, необходимо, во-первых, чтобы центр моего духовного изволения был ограждён от насильственных вторжений извне; во-вторых, чтобы я имел досуг и доступ к созданным и осуществлённым уже духовным обстоятельствам» [3, с. 86]. Подобную защиту вкупе с доступом к созданным духовным благам человеку может обеспечить только государство с его развитой правовой системой, моральным и правовым сознанием граждан, разделением труда и пр. Соответственно, для человека, выросшего, сформировавшегося как полноценная личность в духовном лоне своей Родины (начиная от родного языка и заканчивая политическими правами и правовой защитой), естественно испытывать к ней чувства благодарности и признательности: «...родина получает для него значение положительно-правового установления, уже обеспечившего его существование и ныне ограждающего его духовную жизнь. Благодаря этому принадлежность к известному государственному союзу начинает определяться уже не только нуждою

и страхом, но чувством долга, чести и признательности. Житейский интерес „патриота“ приобретает моральный смысл, а тяготение к родине — естественно-правовую основу» [3, с. 92].

Второй важной посылкой в обосновании духовной ценности патриотизма для И.А. Ильина выступает тот факт, что исходное разделение народов и наций обусловлено не патриотизмом, а естественными причинами их исторического формирования, в том числе — географическими границами обитания. Формируясь и существуя в разных природно-географических и иных условиях, народы по-разному создавали не только материальную, но и духовную культуру, решали духовные задачи: «...каждый народ вынашивает и осуществляет духовные акты особого, национального строения и потому творит всю духовную культуру по-своему: он по-своему научно исследует и философствует, по-своему видит красоту и воспитывает эстетический вкус, по-своему тоскует и молится, по-своему любит и умирает, творит добродетель и осуществляет низину порока» [3, с. 98]. Другими словами, И.А. Ильин утверждает, что духовная жизнь в своём осуществлении имеет национальный (этнический и даже государственный) характер, обусловленный особенностями конкретного народа: историческими, географическими, этнополитическими и иными условиями его развития. Наблюдаемое же духовное разделение народов есть не только и не столько результат усилий государств по удержанию власти или умышленного «ограничения воли к духу», сколько отражение различий конкретных способов духовной жизни. Это означает, что стремление жить полноценной духовной жизнью как у народа, так и у конкретной личности реализуется не в абстрактной форме, но будет иметь характер, свойственный конкретному народу. И в этом смысле *патриотизм как осознанное утверждение ценности духовной жизни своего народа* является вовсе не атавизмом и не препятствием для духовной жизни человека и общества, как полагал Л.Н. Толстой, но её естественным проявлением.

Одной из важных проблем, связанных с патриотизмом, и особенно с патриотизмом как идеологией, является проблема свободы. Ведь патриотизм предполагает не только привязанность, но и обязательства (как полагает И.А. Ильин, даже естественно-правовые). Кроме того, любая идеология предполагает, что члены общества, не принимающие её и действующие вопреки ей, могут быть чего-то лишены или наказаны. Эти вопросы, разумеется, потребуют проработки при возможном принятии идеологии. Но мы в рамках данной работы поставим вопрос, без ответа на который невозможно прояснение правовых

оснований патриотизма как идеологии: *является ли патриотизм ограничением духовной свободы?* Чтобы ответить на него, мы обратимся к введённому Ф. фон Кучерой различению автономии и самоопределения³. Существует два принципиально разных пути реализации духовной свободы человека. Определяющим для выбора того или иного из них является даваемый каждым из нас (пусть порой и безотчётно) ответ на фундаментальный вопрос о том, существуют ли независимые от нашей точки зрения истина, добро и красота или нет. Если нет, то свобода личности понимается и реализуется как *духовная автономия*, когда в итоге я сам постановляю, что хорошо и плохо (в первую очередь, конечно, для меня). Если же они существуют, то свобода состоит в *духовном самоопределении личности*, когда, чтобы состояться, я ориентируюсь на то, что *хорошо само по себе*. Автономия требует от мира (общества, других людей), чтобы они соответствовали моим предпочтениям, а с самоопределением, скорее, связана благодарность за то, что я могу состояться как человек и получать доступ к разнообразным благам (безопасность, образование, общение, культура). Одними из первых, кто сформулировал принципы *духовной автономии*, были софисты, провозгласившие человека мерой всех вещей. Их не менее знаменитый противник — Сократ — отстаивал необходимость *духовного самоопределения личности* в отношении объективно сущих истины, добра и красоты. Общественный порядок при утверждении автономии личности связан с ростом требований со стороны индивидов и всё более изощрённым государственным регулированием их предпочтений во избежание конфликтов между ними. Соответственно, при существенном расхождении со своими предпочтениями человек просто перестаёт поддерживать свою страну (это считается главной проблемой государств, построенных на принципах либерализма).

Установка личности на самоопределение исходит из того, что в мире есть что-то хорошее и прекрасное само по себе, помимо нашего удовольствия и индивидуальных предпочтений. Соответственно, адекватным ответом на это будет благодарность и забота об этом хорошем и прекрасном самом по себе. По отношению к стране эта установка реализуется в патриотизме. И можно сказать, что если мы хотим полноценной и хорошей жизни, то без такой любви к Родине она невозможна, так как иначе мы закрываем себе доступ к одной из базовых ценностей, составляющих духовную основу личности. Без такой любви мы не увидим в нашей Родине прекрасного и доброго самого

³ Подробнее о различении автономии и самоопределения см.: [10].

по себе — её духовного сердца, а значит, не поймём и большей части духовной основы самих себя. Сходные мысли мы находим и у И.А. Ильина, полагавшего, что «обретение Родины» в духовном акте личного патриотизма «...есть акт духовного самоопределения, указывающий человеку его собственную творческую почву и обуславливающий поэтому духовную плодотворность его жизни» [3, с. 94].

С описанными выше двумя духовными установками — автономией и самоопределением — мы можем сопоставить три вида патриотизма, отличающиеся друг от друга по духовному акту и ценностно-экзистенциальной установке личности. Первые два вида базируются на установке, которую мы назвали *автономией*. Один из них — *bene-патриотизм*. Название придумано на основе латинской пословицы «Ubi bene ibi patria» («Где хорошо — там и Родина»). Такой патриотизм предполагает взаимовыгодные отношения с Родиной: что хорошего она сделала для меня, чтобы я ей служил? Второй вид — *присваивающий патриотизм* — построен на основе себялюбия: «Я люблю себя и, следовательно, люблю всё своё — свою семью, свою страну и т.п.». В отличие от первого, такой патриотизм предполагает служение и даже определённую жертвенность в отношении Родины. Ведь как писал И.А. Ильин, «для того, чтобы любить своё отечество, его необходимо найти и реально испытать, что оно есть действительно „моё отечество“» [3, с. 93]. Однако, как и всякое себялюбие, патриотизм, построенный на такой основе, опасен национальным эгоизмом. Ему недостаёт подлинной духовной глубины, ведь в нём исповедуется любовь к Родине не за то хорошее и благое, что в ней есть и что она несёт миру, а *только за то, что она своя*. Поэтому высшим стоит признать третий вид патриотизма, основанный на реализации свободы личности как её *самоопределения* относительно объективных духовных ценностей. Его можно назвать *просвещённым*, или *сократовским*, патриотизмом, поскольку соответствующие ему ценностные убеждения впервые излагаются Сократом в платоновском диалоге «Менексен». Это такой патриотизм, в котором мы стремимся увидеть, полюбить и оценить всё хорошее и доброе, что есть в нашей стране, *даже если оно есть пока в несовершенной форме*. В этом смысле он является тем самым *осознанным патриотизмом*, который может быть положен в основание новой российской идеологии. И думается, именно о такой любви к Родине говорит и философ И.А. Ильин: «Любить родину значит любить нечто такое, что на самом деле объективно заслуживает любви, так что любящий её прав в своём чувстве и служащий ей прав в своём служении» [3, с. 95].

Но может возникнуть вопрос: если патриотизм предполагает любовь и заботу, можно ли это делать по убеждению, ведь нельзя заповедать чувство? Конечно, полноценная добродетель предполагает и подобающие чувства, но в первую очередь она проявляет себя в подобающих поступках. Часто их совершение пробуждает или усиливает любовь к тому, на что они направлены. Но и верность своей стране даже без сильного чувства всё равно обязательна и благородна. Поэтому со стороны государства вполне оправданно побуждение граждан к патриотизму: это выгодно государству и благотворно для граждан. Но, конечно, полного расцвета патриотизм — как и любая добродетель — достигает только в качестве *сознательной установки* (это придаёт ему и дополнительную устойчивость в отличие от внушённой установки).

В связи с этим можно выделить три формы усвоения патриотизма как добродетели. Первая — «инстинктивный» патриотизм: человек поступает верно на уровне переживания («сердцем чувствует»), но не может ни сформулировать, ни обосновать своих убеждений. Такой вид патриотизма в наши дни довольно уязвим, поскольку после эпохи Просвещения и её рациональной критики всего естественного и традиционного (не говоря уже о постмодернистской деконструкции) без сознательной защиты своих убеждений и ценностей не обойтись (иначе тебя легко могут застать врасплох, заставить сомневаться). Вторая — сознательный патриотизм, когда человек обдумывает свои решения и основания собственных убеждений. Третья — сознательный патриотизм, внешне неотличимый от «инстинктивного», когда человек поступает верно без раздумий, следуя велению сердца, но потом может обосновать свой выбор. К *осознанному патриотизму* может быть отнесена вторая и третья форма его усвоения, но последняя, безусловно, предпочтительнее, поскольку в ней резоны сердца и резоны разума находятся в согласии.

Особенность патриотизма в том, что в нём, как это нередко бывает в отношениях любви, принятие и отдача не всегда гармонируют: страна может быть не очень значительной, а требовать многого, она может переживать не лучшие времена и мало что давать человеку, она может сбиться с правильного пути, но по-прежнему нуждаться в заботе и участии (и, кстати, иногда сохранение самого дорогого в стране требует, например, отказа от политической независимости, как это в своё время было в случае с Грузией при её вхождении в состав Российской империи 30 января 1801 г.). И здесь верность необходима в любом случае, но её форма может творчески определяться

самим человеком. Именно поэтому осознанный патриотизм часто более благотворен как для самого человека, так и для его страны. Верность Отечеству может даже заканчиваться трагически (как у Сократа), но это не значит, что она неоправданна или глупа — наоборот, как приверженность чему-то объективно ценному она благородна.

Россия как страна со славной историей, с богатой культурой, с выдающимися достижениями, с замечательными чертами народного характера даже при имеющихся недостатках общественной жизни, несомненно, заслуживает любви и преданности со стороны граждан. Патриотизм нужен для полноценной духовной жизни как личности, так и обществу. И он вполне может выступать национальной идеологией, при условии ясной формулировки лежащих в его основании убеждений относительно общественных идеалов и их обоснования, а также способов их достижения. Именно соединение чувства любви к Родине с осознанным и обоснованным набором ценностных убеждений превращает эту любовь в зрелый патриотизм. Для того чтобы такая идеология была принята и усвоена нашим обществом, в её основу должны быть положены ценности, отражающие духовное своеобразие России, выражающие духовный характер нации. И здесь нужно отметить государствообразующую роль русской культуры, имеющей богатые традиции размышления над этими вопросами и осмысления исторической роли России, начинающиеся со «Слова о законе и благодати» митр. Илариона в середине XI в. и несомые русской духовно-интеллектуальной культурой вплоть до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 168 с.
2. Гусаров С. «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России. 10.05.2020. URL: <https://ru.rt.com/fz6q> (дата обращения: 12.06.2023).
3. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
4. Мочалов Е.В. Проблема патриотизма в философии России // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 90—92.
5. Никифоров Я.А. Социальный концепт «патриотизм» в русской общественной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 191—193.
6. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 175—191.

7. Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 39. С. 27—80.
8. Чикаева Т.А. Патриотизм как необходимое начало творческого развития человека и культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 41—50.
9. Шарифулин В. Путин считает патриотизм единственной возможной идеологией современного общества. 19.12.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7379985> (дата обращения: 12.06.2023).
10. Kutschera, von, F. *Die Idee der Autonomie in der Neuzeitlichen Geistesgeschichte*. Paderborn: Brill Mentis, 2016. 131 s.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Parizh, YMCA-PRESS Publ., 1951, 168 p. (In Russ.)
2. Gusarov S. «*Posvyatit' sebya razvitiyu strany*»: *Putin nazval patriotizm natsional'noy ideey Rossii* ["Dedicate Yourself to the Development of the Country": Putin Called Patriotism the National Idea of Russia]. 10.05.2020. Available at: <https://ru.rt.com/fz6q> (accessed 12.06.2023). (In Russ.)
3. Il'in I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Legal Consciousness]. Moscow, Rarog Publ., 1993, 235 p. (In Russ.)
4. Mochalov E.V. Problema patriotizma v filosofii Rossii [The Problem of Patriotism in the Philosophy of Russia]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 2016, no. 2, pp. 90—92. (In Russ.)
5. Nikiforov Ya.A. Sotsial'nyy kontsept «patriotizm» v russkoy obshchestvennoy mysli [The Social Concept "Patriotism" in Russian Social Thought]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya, series: "Sotsiologiya. Politologiya", 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 191—193. (In Russ.)
6. Pavlov A. Patriotizm. Ochen' kratkaya istoriya idei [Patriotism. A Very Brief History of the Idea]. *Filosofskaya antropologiya*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 175—191. (In Russ.)
7. Tolstoy L.N. *Khristianstvo i patriotizm* [Christianity and Patriotism]. *Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy* [Tolstoy L.N. Complete Works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1956, vol. 7, pp. 27—80. (In Russ.)
8. Chikaeva T.A. Patriotizm kak neobkhodimoe nachalo tvorcheskogo razvitiya cheloveka i kul'tury [Patriotism as a Necessary Beginning of the Creative Development of Man and Culture]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 41—50. (In Russ.)
9. Sharifulin V. *Putin schitaet patriotizm edinstvennoy vozmozhnoy ideologiy sovremennogo obshchestva* [Putin Considers Patriotism the Only Possible Ideology of Modern Society]. 19.12.2019. Available at: <https://tass.ru/politika/7379985> (accessed 12.06.2023). (In Russ.)
10. Kutschera, von, F. *Die Idee der Autonomie in der Neuzeitlichen Geistesgeschichte* [The Idea of Autonomy in Modern Intellectual History]. Paderborn: Brill Mentis, 2016, 131 p. (In Germ.)

Дата поступления в редакцию 14.06.2023